
Перепись населения как инструмент строительства наций

И.И. КРАСНОПОЛЬСКАЯ*, Г.С. СОЛОДОВА**

***Краснопольская Ирина Игоревна** – магистр социологии, **научный** сотрудник, Международная лаборатория исследований некоммерческого сектора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, НИУ ВШЭ. Адрес: 101978, г. Москва, Славянская площадь, д. 4, стр. 2. E-mail: ikrasnopolskaya@hse.ru

****Солодова Галина Сергеевна** – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН. Адрес: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. E-mail: gsolodova@gmail.com

Цитирование: Krasnopol'skaya I., Solodova G. (2016) National Census as an Instrument of Nation Building in the Postindustrial Age. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 55–78 (in Russian)

В настоящей статье перепись населения рассматривается как один из возможных инструментов нациестроительства. В основе лежат идеи социального конструирования, однако сделаны оговорки и об ограниченных возможностях данного способа исследований. Отмечается, что становление наций и их оформление необходимо анализировать в конкретных исторических условиях, предопределивших процессы нациестроительства. В таком контексте благодаря усилиям государства возможны и завершение процесса, и оформление нации, в частности, с помощью проведения переписей. Рассматривается механизм, с помощью которого государство представляет население в доступных и однозначных категориях, конструирует символические границы и вводит категоризацию населения, что необходимо как для первичного самоопределения, так и для поддержания и воспроизводства национальной самоидентификации. Утверждается, что с помощью переписи группа титульного населения создает и поддерживает собственные границы, упрощает представление групп этнических чужих. В статье обозначены процессы переноса официальных данных переписей и полученных конструкторов об этнических группах на уровень повседневных взаимодействий. Отмечается, что граждане обращаются к официальным данным как к одному из источников знания для формирования собственной картины мира, типизируя окружающих в соответствующих категориях титульного населения или этнических групп. Данные процессы рассмотрены на примерах самоопределения этносов в период первых советских переписей. Также приведены примеры властной тип-

защиты граждан с помощью официальных документов – паспортов с фотографиями. посредством документального свидетельства этническая принадлежность стала символически отделена от непосредственного носителя, и в этом смысле она перестала быть индивидуальной характеристикой гражданина.

Ключевые слова: нация, этническая группа, перепись, социальное конструирование, типизация, идентичность, В.А. Тишков

Введение

В классической работе Б. Андерсона «Воображаемые сообщества: размышления об истоках распространения национализма» [Андерсон 2001] феномены «музей», «карта», «перепись» рассматриваются как наиболее действенные инструменты конструирования нации и национальных сообществ. Андерсон, как и другие теоретики конструктивизма применительно к национальным и этническим группам (Э. Геллнер, Ф. Барт, А. Коэн), большое внимание уделял действующим силам конструирования групп, что, скорее, ошибочно привело к распространению идей чистого конструктивизма.

В данной статье авторы попытались провести рассуждения в русле исторической обусловленности возникновения наций, появившихся хотя и случайно, но во вполне определенных исторических и политических контекстах. Для их образования потребовались однозначный уровень развития общества, государства, научной и языковой сфер, а также внешние стимулы, кризисы и усилия со стороны органов власти. В последующем нации приобретали характер социальной объективности и требовали усилий по их поддержанию и воспроизводству. Следует подчеркнуть, что одним из возможных инструментов может выступать перепись населения, с помощью которой выстраиваются внешние и внутренние национальные границы, когда население становится стандартизованным и прозрачным для управления со стороны государства, граждане получают легитимные данные о том, кто еще включен в наше национальное сообщество, понимание чего является функциональным для воображения национального сообщества.

В статье представлен анализ механизма конструирования национальных сообществ. Теоретическое рассмотрение механизма выполнено на примерах проведения первых советских переписей, и это довольно наглядный пример становления советского государства и мера по выстраиванию собственной национальной формы. При этом в современной практике переписей значительное место занимают заимствования созданных в советское время принципов категоризации и вопросов переписи.

В статье соблюдена следующая структура: в первом параграфе мы рассматриваем социальную природу нации, во втором приводятся определение переписи, логика ее исторического появления и функциональности для государства. С ее помощью государство представляет население в доступных и однозначных категориях, что принципиально облегчает выполнение задач управления. Одним

из основных результатов переписи является построение символических границ между различными национальными категориями, и категоризацию можно назвать основной задачей переписи. Третий параграф статьи посвящен именно этим вопросам, там же представлен механизм построения символических границ, и на примерах конструирования списков народностей и вопросов о языке раскрывается процесс работы механизмов социальной категоризации. В заключении приводятся анализ и логика деятельности двух наиболее влиятельных акторов переписей конструирования национальных сообществ – «заказчика» (государства, элит и их властного дискурса) и «исполнителя» (научных элит этнографов и статистиков). Во многом деятельность последних определяет выработку перечней и принципов категоризации населения, которые в последующем объективируются и становятся реальными социальными категориями. На их основе акторы базируют свои взаимодействия, а национальные категории становятся организующими социальными контактами маркерами.

Мы осознаем ограничения позиции «чистого конструктивизма» в вопросах строительства наций, его определенную изолированность от социального и исторического контекстов. Основная идея, связывающая «чистый конструктивизм» и реальные социальные процессы, – это роль властных структур и значимость их решений. Они принимаются в конкретных исторических условиях, в том числе под воздействием различных социальных или политических кризисов. Поэтому не стоит абсолютизировать конструктивистский подход: он может быть использован наряду с учетом «естественных» социальных и примордиальных условий. Другими словами, мы не нивелируем значения примордиальных оснований формирования наций, но в данной статье сознательно оставляем их за скобками обсуждения.

Социальный характер нации, этнической группы. Воображаемые сообщества

«Нации на самом деле, как и государства, являются случайными и не универсальной необходимостью. Ни одна нация или государство не существуют во все времена и при любых обстоятельствах» [Геллнер 1991, с. 6], т.е. нации имеют политическое происхождение, и этнические группы трансформируются в нации не только в силу исторического развития, но в результате политической воли, и являются продуктами государства.

Этот тезис Геллнера лег в основу конструктивистской идеологии появления нации и этнических групп и продолжительное время являлся их подтверждением. Предполагается, что нации имеют политическое происхождение: власть формулирует и оформляет национальные интересы, используя культурные, геополитические, этнические и лингвистические предпосылки. Фактически в полной мере нациестроительство не опирается ни на какую объективную национальную реальность [Мнацаканян 2005, с. 10]. Поэтому нации не имеют ни территориальных, ни культурных, ни экономических характеристик, обладая лишь политико-правовыми признаками. «Группа людей становится нацией, если и когда члены этой

группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу» [Gellner 1983, p. 35]. Сторонники конструктивизма видят нацию преимущественно как результат направленного взаимодействия социальных сил. Она является институциональным феноменом, начало которого определено некоей социальной потребностью самоидентификации, в том числе со стороны политических элит. С этого момента нация начинает действовать как объективный факт реальности и требует последующей постоянной поддержки и воспроизводства. Как и общество Дюркгейма, будучи результатом коллективных действий индивидов и синтезом их взаимодействий, нация приобретает эмерджентную природу и получает надындивидуальное основание. Коллективные представления исходят от общества и являются обязательными для включенных в него индивидов, одновременно существуя и развиваясь в «объективном», надындивидуальном пространстве.

Для нас значимым является то, что Геллнер говорил о существенной роли процессов, формирующих основы национальной общности еще до оформления непосредственной политики нациестроительства. Вслед за Б. Андерсоном он указывал на развитие капитализма, печати, распространения высшей культуры как на факторы, во многом сформировавшие исторические условия возникновения наций. Развитие индустриального общества в Европе сопровождалось ростом городов, и этому предшествовало преодоление феодальной раздробленности и изолированности сельскохозяйственного общества, что представляется необходимой предпосылкой для формирования национального единства. Города являлись сосредоточением технологий и предпринимательской деятельности, денежных отношений, развивались параллельно расширению транспортной инфраструктуры. Коммуникационный обмен и торговая деятельность между различными городами были бы невозможными, если бы каждая группа оставалась носителем собственных культурных смыслов. Последнее характерно, скорее, для аграрного и феодального обществ, где каждое поселение оставалось довольно замкнутым и автономным. Со временем необходимостью и требованием жизни становились единая культура, упорядоченная и стандартизованная система идей, позволявшая успешно осуществлять взаимодействия. Для этого было необходимо унифицированное образование, способствующее осуществлению массовых коммуникаций, в том числе письменных. Геллнер на роль единственного субъекта, способного реализовать данные условия, ставил государство, которое, обеспечивая распространение единой культуры, ограничивало «собственную» территорию и зону влияния. Одно государство должно, по замыслу Геллнера, соответствовать одной культуре, нации [Геллнер 1991].

Б. Андерсон также видел возможность появления нации только в конкретной ситуации исторического развития, где необходимыми условиями являлись индустриальное общество, совершенствование родных языков для отдельных административных сообществ и расширенные печатные коммуникации. На этом фоне несколько снижалась значимость религиозных, политических и аристократических элит как единственных носителей языка, и распространение родных (не латыни) печатных языков становилось основой национального самосознания [Андерсон 2001, с. 65]. За счет их распространения индивиды осознавали одновременное присутствие многих «других», принадлежащих этому языковому полю. Более того,

печатный капитализм способствовал тому, что язык элит и властей превращался в понятный населению инструмент коммуникаций. Иначе говоря, соединение капитала и техники книгопечатания способствовало преодолению языковой стратификации населения, сделало возможной новую форму воображаемого сообщества, на базе которого впоследствии основывались современные нации.

Закрепление воображаемого сообщества нации сопровождалось приобретением им характера невопрошаемой реальности сообщества, где социальные взаимодействия его членов были опосредованы осознанием себя как принадлежащих единой национальной группе. Государство пользовалось несколькими инструментами для самоидентификации, конструирования и воспроизводства нации. Наиболее действенными Андерсон называл инструмент контроля времени и истории нации – музей; инструмент территориального определения, систематизации наполнения и ограничения пространства нации – карта; наконец, перепись как средство определения и размещения членов нации в однозначные и известные категории. Все инструменты обеспечивали не только представление изучаемой реальности, но являлись образцами и средствами воплощения этой реальности.

Таким образом, мы склонны следовать следующей логической цепочке процесса появления наций. Первое – существование неких объективных исторических условий жизнедеятельности и взаимодействия этнических сообществ. Второе – в результате активного, например, печатно-опосредованного взаимодействия на едином языке у населения появляются идеи и чувства общности. На третьем этапе наблюдаются процессы объективации взаимодействий, приобретения ими объективного институционального статуса и характера реальности *sui generis*. Одновременно отмечены усилия заинтересованных групп в создании механизмов и инструментов конкретизации, поддержания и закрепления образовавшейся национальной общности, равно как и ею постоянного конструирования. Так национальная общность приобретает характер объективности и внеисторичности, политического синонима и элемента государства.

Перепись как один из возможных инструментов конструирования национальных и этнических групп

Мы следуем определению понятия «нация» Геллнера, которое гласит, что два человека относятся к одной нации только в том случае, если они разделяют одну культуру и распознают друг друга как принадлежащие одной нации [Gellner 1983, р. 7]. Поэтому можно утверждать, что перепись является именно тем инструментом, с помощью которого членам сообщества продемонстрировано, кто включен в их нацию, сколько их, на какой территории они находятся. Посредством переписных данных, в особенности опубликованных, члены сообщества получают возможность представить свое сообщество как территориально ограниченное, наполненное конкретными людьми, являющееся единым государством. Упрощенное и фокусированное под некую задачу представление реальности в результатах переписи во многом обеспечивает и облегчает выполнение государственного управ-

ления, когда властные структуры получают необходимые данные для поддержания и воспроизводства своего единства, выстроенного на общей национальной идее гражданства. Другими словами, перепись способствует конструированию единой национальной общности для двух обобщенных акторов: для индивидов, членов этнически близких сообществ, объединяющихся в единое воображаемое сообщество нации (поддержка и оформление собственной идентичности), и для государства в плане доминирования титульной нации (внешне приписываемая гражданам идентичность, отражение властных интересов).

Основной задачей переписи является выделение вполне определенных аспектов действительности. Для Андерсона перепись ассоциировалась с «тотальным, классифицирующим рашилем/гранильней» (цит. по [Тишков (1) 2003, с. 186]), где цель государства заключалась в создании четких, отчетливых людей, которых возможно инкорпорировать в систему государства [Андерсон 1991, с. 184]. Кратко задачи можно обозначить как 1) создание легальных границ государства-нации; 2) определение пространственной и символической легитимности; 3) определение и наполнение упрощенных групп идентичностей: этнических, лингвистических, религиозных и т.д.; 4) поддержание и воспроизводство единого национального государства; 5) представление упрощенного описания населения для фасилитации государственного управления.

Введение идентификационной системы для граждан. Определение национальной принадлежности

Целью идентификационной системы для учета граждан является наделение каждого члена общества наблюдаемым и четко фиксирующимся внешним идентификационным признаком [Jenkins 2000, p. 19]. В этой ситуации государству, обладающему списком характеристик своих граждан, неизмеримо проще проследить право собственности и наследования, собирать налоги, поддерживать судопроизводство и охрану порядка, разрабатывать и проводить социальные программы и т.д. Именно фасилитация контроля и управляющей функции государства лежала в основе введения индивидуальных фамилий, свидетельств о рождении и смерти, паспортов, фотографий, отпечатков пальцев. В европейском обществе закрепление постоянных фамилий произошло относительно недавно, хотя процесс начался в XIV–XV вв. [Скотт 2005, с. 119]. Одновременно появлялись индивидуальные паспорта для облегчения учета передвижений жителей: например, во времена Российской империи правительство требовало наличия печатных паспортов, в которые была занесена информация о стране прибытия и внешних характеристиках путешественника¹.

В СССР в 1938 г. были введены паспорта с фотографиями с целью упрощения определения национальной принадлежности индивида. У государственных структур, в том числе и у НКВД, появился собственный источник идентификации городских жителей, тогда же и национальность стала определяться вне зави-

1 Печатные паспорта вводились с 1743 г. [Burke 2000, p. 131].

симости от самоопределения индивидов: она символически отделялась от своего непосредственного носителя посредством документального свидетельства. Индивидуальные идентификаторы применялись как основа того или иного характера социальных взаимодействий со стороны государственных органов. Постепенно происходили закрепление идентификаторов, их легитимность и проникновение в пространство повседневных практик, которые стали использоваться как объясняющие категории в повседневных взаимодействиях.

Следует отметить, что введение системы индивидуальных социальных идентификаторов включает в себя процессы двух уровней: законодательные практики и предписания, регулирующие социальные взаимодействия с формальными институтами, а также повседневные практики. В определенных контекстах они начинают использовать официальные документы как идентификаторы национальности, за чем следует объективация «документа» как действительного репрезентанта национальности индивида в повседневной жизни.

Введение единого национального языка как основы нации

Позволим себе небольшое отступление и обратимся к другому, но, возможно, более действенному инструменту конструирования единой нации – языку. Единый язык, как и перепись, делает прошлое переживаемым в настоящем, «прошлое и настоящее сливаются в одновременности» [Андерсон 2001, с. 15]. Он способствует тому, что его носители за счет актуального озвучивания через написание и прочтение получают подтверждение непрерывности существования своей группы.

Введение единого официального языка может быть самым могущественным средством государственных упрощений, направленных на создание единого и доступного для прочтения общества. Скотт рассматривал этот процесс как разновидность внутренней колонизации, когда множество раздробленных местных групп и использующая неродной язык элита оказываются приведенными к единому лингвистическому знаменателю [Скотт 2005, с. 121]. В этих условиях государство предпринимает усилия по закреплению национального языка и вытеснению им местных непрозрачных наречий: например, вводится обязательное делопроизводство на национальном языке, единый язык в школах – обязателен. Показательна в этой логике практик нациестроительства ситуация с русским титульным и местными языками в союзных республиках в советский и постсоветский периоды: при доминировании русской нации и русского языка «нерусские» стремились к его использованию, приобретая таким образом относительное равноправие с «доминирующей» нацией и более выгодное положение в системе экономических взаимодействий. При этом сообщества союзных республик в большей степени становились частями русской, точнее, советской нации, нежели самостоятельными национальными группами.

Поскольку язык представляется как изначально присущий нации, придающий ей характер бесконечности в представлении своих членов, он используется в националистических течениях. Следует упомянуть, что принципиальных отли-

чий между лингвистическим и, предположим, расовым национализмом нет: в обоих случаях лучше говорить о конкретной концепции национализма, который может использовать, привлекать и актуализировать различные варианты: язык, расу, религию и другие [Edwards 1989, p. 11].

Символические границы, создаваемые переписью

Одним из результатов переписи является построение границ государства и нации, при этом границы обладают не столько территориальным наполнением, сколько символическим, разделяемым членами сообщества: они гарантируют стабильность и правильность образов мира и паттернов деятельности. Непосредственное наполнение символа границ может в определенной степени быть произвольным, они не зависят от «объективных» отличий. Границы, следуя Зиммелю, являются не только «пространственным фактом с социологическим действием, но социологическим фактом, который принимает пространственную форму» [Филиппов 2003, с. 87]. Это значимо, поскольку «этнически другого» индивида выделяют по некоторому критерию, заложенному в переписи (родной язык, страна происхождения, религиозная принадлежность и другие). Национальные границы являются социальными категориями, отделяют группы «чужих» и очерчивают собственную территорию. Одновременно они представляют собой маркеры национальных или этнических различий, вокруг которых организуются другие социальные характеристики и практики. Принципиально отметить, что границы становятся действенными в случае *восприятия* их как *значимых* в определенном контексте, и последнее достигается в силу легитимности и авторитетности «официальных данных переписи».

Национальная категоризация в переписи

Посредством конструирования границ, как было показано выше, перепись формирует идентичность, в том числе национальную или этническую. Человеческое знание в полной мере основывается и зависит от классификаций, и идентификация тех или иных свойств объектов является основой процессов классификации [Jenkins 2000, p. 7]. Само- и внешняя идентификации взаимосвязаны и не могут возникать одна без другой; для определения «кто есть я/мы» необходимо очертить «кто есть он/они».

Помимо элитных или наделенных властью групп, необходимым условием для типизации является деятельность на уровне повседневных межличностных взаимодействий, и использование социальных категорий выражает их социальную силу объективного знания. Поскольку в настоящее время детально обсуждается признание равноправия множества «знаний» различных социальных акторов, культур и контекстов, то можно настаивать и на значимости повседневной деятельности

в производстве «знания» об этнических группах, группах «чужих» [Burke 2000, p. 14]. Кратко общий механизм категоризации и типизации этнических групп может быть следующим. На основании некоего критерия члены титульной группы выделяют представителей другого этнического сообщества: конструируется и прописывается внешняя идентичность, и индивид воспринимается как член некой категории. Причина в том, что во внешней среде группа, в том числе титульное население, предпочитает иметь ограниченный объем информации. Для выделения других, «чужих», из гомогенной внешней среды выбирается только одна или несколько черт. В последующем исключительно на основании этой характеристики происходят восприятие, создание категорий и определение порядка социального взаимодействия с «чужими». Так формируется новый порядок социальных феноменов, который представляет собой мир организованных, символически нагруженных паттернов «путей, как делать вещи» [Jenkins 2000, p.10]. Идентичность в этой перспективе производится и воспроизводится индивидами, действующими в институциональном контексте. Другими словами, социальные категории укореняются в социальных практиках, действуют в нем как организующие признаки.

Возвращаясь к властному дискурсу, следует отметить, что политики производят и воспроизводят локально значимые социальные категоризации посредством публичной риторики, законодательных актов, перераспределения ресурсов среди выделенных групп, «схожие процессы и феномены можно наблюдать, когда государственные исчисления направлены на их выделение» [Jenkins 2000, p. 19]. Риторика описания является даже более значимой, чем непосредственные измерения или законодательные акты [Jenkins 2000, p. 19]. В этом контексте важна функция науки как, с одной стороны, самостоятельного актора социальной категоризации, а с другой, помощника государства в обосновании и создании социальных категорий. Такие категории, как раса, социальный класс, девиация, гендер и другие, во многом были сконструированы именно в научном поле. Постепенно коллективные категории идентичности начинают организовывать значимые социальные последствия; категории «захлестывают» социальный контекст [Jenkins 2000, p. 20]. Аналогично с помощью научно обоснованного инструмента переписи государство получает возможность операционализировать социальные категории: получив систему индикаторов, происходит ее наложение на социальную действительность, наполненную реальными индивидами, жителями страны.

Обратимся к двум возможным стратегиям сбора и упорядочивания данных переписи. Организуя перепись, государство вынуждает людей задавать вопросы о самих себе. Эти вопросы или используемые определения суть те, которые используются в последующем фактическом государственном управлении [Sundar 2000, p. 112]. Нельзя быть полностью уверенными, что именно эти категории используются индивидами в их обыденной жизни. Однако, как было показано выше, есть вероятность их последующего проникновения в сферу повседневных взаимодействий и дальнейшей объективации. В любом случае бюрократическое поле, в котором первоначально производятся критерии выделения этнических групп вслед за Дженкинсом, можно справедливо отнести к одной из наиболее значимых областей происхождения и функционирования категоризации [Jenkins 2000, p. 18].

Государственные стратегии категоризации

Обозначим более конкретно практики, используемые в переписи для формирования категорий граждан. Первая государственная стратегия – создание максимально полного списка вариантов этнического самоопределения. На уровне государства признаются многообразие этнических форм и легальность их равноправного присутствия в государственном пространстве: так, в американской переписи 2000 г. впервые было разрешено отмечать более одной национальности при ответе на соответствующий вопрос, и, учитывая комбинации, получилось около 65,5 тыс. вариаций, при том что список вариантов состоял из 16 наименований. Можно предположить, что сейчас государство готово принять в своих границах и законодательно закрепить более 60 тыс. этничностей. Особенно показательна динамика предоставления выбора самоидентификации. В первой американской переписи 1790 г. выбор был ограничен двумя категориями: «белый» и «черный» [West 2004]. Нельзя утверждать, что за трехсотлетнюю историю Соединенных Штатов настолько увеличилось количество этнических групп, но можно предположить, что оно изменилось соответственно государственному национальному дискурсу и интересам многонационального общества. Любопытно, что подчиняясь общественному и политическому давлению, в последней переписи в перечень возможных этничностей была введена категория «хиспаник», и по результатам переписи в новой этнической категории оказалось более 30 % населения. За счет введения категории, в основном по лингвистическому критерию, испаноговорящие и близкие к ним этничности были выделены в отдельную группу. Подобный подход, по мнению ряда исследователей, потенциально опасен для государства, поскольку стимулирует развитие множественных этнических групп, что естественным образом ослабляет доминирование единой национальной и государственной принадлежности и лояльности.

Вторая стратегия в большой степени характеризует отечественную практику производства социальных категорий. Ее логика в «укрупнении» народов за счет включения в них малых этнически близких групп, в результате чего происходит уменьшение общего количества этносов. Для государства это курс ассимиляции и интеграции, что по внутренней идее близко идеальной ситуации существования нации для Геллнера: одна культура – одно государство – единая нация. Официальный статус переписи придает легитимность ее результатам и препятствует правовой и политической возможности создания сообществ в ущерб национальному единству.

Двухступенчатая процедура определения национальной принадлежности (фиксация ответов в ходе переписи и их последующая перекодировка и сведение к заранее известному списку) принята в советских переписях с 1926 г. [Тишков (1) 2003, с. 183], тогда же национальность была утверждена как всеобщий атрибут личности. Основная работа проводилась Комиссией по изучению племенного состава населения России, и ее задачей был сбор информации о языках, обычаях, численности и быте народов империи с целью создания этнографических карт.

Одновременно с комплексом вопросов о языке были введены строгие стандартизированные критерии-вопросы определения национальной принадлежности. Они включали, помимо обозначенных выше, вопросы об официальных и неофи-

циальных наименованиях групп населения, родовых и территориальных подразделений в рамках отдельных народностей и другие [Соколовский 2002, с. 81–84]. Был выработан довольно сложный и неоднозначный механизм определения национальности – критерий для отбора на первом этапе. На втором этапе производились обработка собранных данных и укрупнение названий этносов в заданные категории, где «мерками» были выбраны категории народов, собранные в официальном «Списке национальностей СССР». Как и европейские государства, молодое советское правительство почувствовало необходимость введения системы измерения своего населения, которая обеспечивала бы точность и прозрачность национального, иначе этнического, поля Союза. Эти знания, фактически оформленные ими самими, предоставляли широкие возможности для прицельного управления созданными категориями населения.

Упрощение и сжатие наблюдаемых переменных народностей обоснованы гипотезой о наличии более масштабных переменных (народов), которые абсорбируют в себя более мелкие, чему можно найти подтверждение в классификациях СССР и особенно в динамике наполнения категорий. Инструмент переписи позволяет составить представление о структуре населения, точнее, подвести население под некую структуру, одновременно он выделяет однородные группы объектов и имеет возможность ее графического представления. Эти данные служат предпосылками для построения типологии объектов с обозначением в структуре социального пространства расстояний между созданными группами национальных категорий. Дж. Скотт в подобном контексте говорил о переписи как о процессе усилий власти «делать общество понятным», что является основной проблемой искусного управления. Для того чтобы понимать и «схватывать» общество, которым они правят, лидеры должны разработать и применять инструменты радикального упрощения реальности. Скотт называл эти инструменты «сериями типизаций», т.е. определения людей в этнические категории и оформления границы единого государства. После того как однажды это было сделано, интерес государства заключается в поддержании легитимности и принципиальной возможности понимать население через категории, в которые они были определены [Скотт 1998, с. 2–3, 76–77, 81]. В данной ситуации можно говорить о принципиальной угрозе использования инструмента переписи и интерпретации результатов.

Угрозы процедуры переписи заключены и в процессе классификации обнаруженных народностей в более общий список: так, из 190 зафиксированных народов в первой советской переписи 1926 г. в итоге получилось 7 групп [Блюм, Меспуле 2006, с. 109]. Иначе говоря, интерпретация и социальное номинирование фактов оставались в большей степени за учеными. Вплоть до 1937 г. советскими антропологами и статистиками проводилась непрерывная работа по классификации народов на территории СССР, и уже в 1927 г. был опубликован «Список народностей СССР», легший в основу переписи 1937 г. Он состоял из 10 народов, и все 188 народностей СССР классифицировались в 10 основных категориях. Данная классификация использовалась в переписи 1937 г., в результате применения которой было оставлено 109 народов. [Блюм, Меспуле 2006, с. 109]. Известно, что подобные изменения отражали не действительные демографические процессы, а модификацию принципов включения народов в категории. В этом выражалась определенная

государственная воля, что привело в конечном счете к политическим изменениям в расстановке сил среди союзных народов: так, благодаря переписи было сконструировано привилегированное положение народов Средней Азии, которым были выделены собственные территории – узбеки получили Узбекистан, таджики – Таджикистан. Одновременно данные категории народов из классификации переписи стали включать в себя большее количество других народов [Блюм, Меспуле 2006, с. 211], происходило установление более тесной связи между административной территорией и национальным обозначением. Последнее, безусловно, послужило приданию привилегированного статуса народам, обеспечивавшим четкую связь между территорией и населяющими ее народами.

Интересно отметить, как национальными элитами понимались принцип и выгодное положение сконструированного единого народа на союзной арене. В преддверии переписи 1937 г. руководство Грузии настаивало на сохранении только одного названия народа – грузины, стремясь не актуализировать существование более маленьких народов (мингрельцев, лазов и сван) и не ослаблять единство Грузии. В итоге в 1937 г. все народы Грузии были сгруппированы под одним названием – грузины [Блюм, Меспуле 2006, с. 213]. В рассматриваемом примере внешняя категоризация «грузины» относительно близка к идентичностям составляющих ее народов, фактически категория и составляющие группы взаимно подкрепляют друг друга. Для внешнего определения используется одно из возможных групповых обозначений – грузины, – живущий на данной территории народ. Конечно, словарь национальностей сохранил сложную классификацию, но он использовался только как промежуточное средство классификации. Это решение позволило сохранить доминирование грузинского народа на территории Грузинской ССР, а следовательно, и его вес в представительстве народов СССР. Это был пример того, как территориально-административная организация народов в силу высокого политического значения легла в основу крупнейших статистических операций, а административный дискурс и практика утвердились в главенствующем положении над научной культурой и принципами статистиков.

Хотя список этнических самоназваний 1926 г., состоящий из 800–900 вариантов самоназваний, и продолжает использоваться в современной отечественной практике, к нему прибегают исключительно как к «методическому пособию для обработки результатов переписи» [Тишков (1) 2003, с. 224]. Для нас большой интерес представляет второй список, который применяется непосредственно при кодировании национальностей и в котором указывается правильное название национальности, связанное с определенным вариантом самоназвания. Опираясь на этот список национальностей, происходит реализация двухступенчатой регистрации национальной принадлежности. Логика ситуации непосредственного опроса следующая: переписчик задает вопрос о национальности на самоопределение; результаты по списку возможных вариантов по восходящей соотносятся и группируются с некой более крупной национальностью; она имеет название, наиболее распространенное на тот момент в научной среде и включенное в перечень основных национальностей. Однако фактически на каждом этапе, начиная с вопроса о национальности и заканчивая присваиванием правильного названия национальности, возникает социальное конструирование, и обладающий властью субъект на

каждой ступени генерируют собственные результаты, отдаленно соотносящиеся с первоисточником.

Таким образом, советские переписи были направлены на объективацию, актуализацию «других» этнических групп. Наиболее ярко это выражено в выделении этнических групп немцев, евреев, финнов, поляков и других, основанном на национальной принадлежности и фактически приравненном к стране происхождения. Данная категоризация имела вполне реальные негативные социальные последствия. Пример можно найти в работе Блюма, где он указывает, что в 1934 г. НКВД готовил инструкцию о национальностях и отношении их представителей к советской власти. Блум называет это поворотным моментом использования национальных статистических категорий, поскольку именно тогда были определены национальности, враждебные советской власти – советские немцы, корейцы, финны, латыши, литовцы и поляки, их следовало постепенно устранять с руководящих постов и увольнять с предприятий. Одновременно была выделена вторая группа национальностей – евреи, армяне, крымские татары, чеченцы, ингуши и осетины, по отношению к которым требования были не столь жесткими, но повышенная бдительность считалась необходимой [Блум, Месуле 2006].

Важной задачей переписи являлось стирание этничности доминирующей группы. Речь идет не о нивелировании русской этничности, а о позиционировании советского народа как единого образования, объединяющего все остальные народности. Русскость, безусловно, не отрицалась и продолжала оставаться основным атрибутом титульной национальности, но была не единственной и ситуационно зависимой, уступая место советской национальной идентификации. Итак, необходимо отметить понимание во многом решающего вклада социальной (в том числе статистической) категоризации в формирование групповой национальной идентичности. Она никогда не будет «просто классификацией» или простым описанием, ее следует воспринимать как вторжение в социальный мир группы, изменяющее мир и опыт проживания в нем. Другими словами, категоризация имеет *последствия*.

Властный дискурс. Ученые как акторы нациестроительства

Инструменты переписи представляют собой простую и понятную для государства и его граждан картину ограничения нации и распределения национальных категорий внутри нее. Каждая перепись следует и выполняет единовременные цели ее организатора, и в этом смысле ее результаты нельзя рассматривать как односторонние или неполные. Конечно, перепись, как и карта, не ориентирована на объективное отражение разграничения национальностей в государстве. Действительную силу строительства пространства наций перепись приобретает в силу ее укорененности и актуальности во властных структурах. Государство, овладев и научившись подчинять себе логику переписи, уже давно приобрело способность навязывать собственные схемы и организовывать сообразно им жизнь общества. Однако, следуя

Дж. Скотту, эту способность в полной мере оно приобрело лишь в XVIII в. на фоне роста идей национальной суверенности.

С работ М. Фуко берет свое начало традиция логически связывать дискурс с властью, в том числе с властью номинаций. Группа, обладающая властью в той или иной области, имеет возможность конструировать социальные репрезентанты, производить и использовать коллективные символы для последующего объединения или разъединения групп. Одно из проявлений современного государства, следуя Фуко, – это развитие управления населением путем надзора и наблюдения за ним. Э. Гидденс в своих работах также использовал концепт насилия, детально разработанный современным государством: в нем все население подчинено контролю со стороны государства, которое имеет возможность наказывать, проводить мониторинг и ревизовать население в его повседневной жизни [Pholsena 2002, p. 2].

Идея властного дискурса и его силы производства и использования этнических категорий состоит в обладании правом номинации. За него, если следовать Бурдьё, идет постоянная борьба между различными элитами, группами влияния и лидерами мнений (государством, группами, учеными и статистиками, представителями этнических групп). Легитимное право на присвоение наименования дает возможность проводить и внедрять в социальную жизнь классификации социальных объектов, что в свою очередь является непосредственной основой для выработки и принятия управленческих решений. С другой стороны, существуют более значимые и масштабные последствия номинации: «названные» явления постепенно «воплощаются в жизнь», становясь элементами социальной реальности [Бурдьё 1993, с. 67], а сконструированные категории и классификации превращаются в общие разделяемые категории смысла: например, Бурдьё отмечал категории расы и религии, которые используются в повседневной практике и на основании которых индивиды выстраивают свое поведение и суждения. Как было сказано выше, фактически они являются категориями мышления, организующими восприятие реальности, или, иначе говоря, воображаемое сообщество нации существует благодаря вере людей в его реальность и институтам, ответственным за (вос-)производство этой веры [Бурдьё 1993, с. 92]. При этом повседневные суждения и основанные на них практики дополняют процесс «официального» конструирования объективной национальной реальности.

Фуко наделял государство правом управления телом общества с помощью дискурсов и технологий, формирующих «общую политику» правды (*regime of truth/general politics*), которая производится в непосредственной ситуации. Иными словами, современное государство участвует в непрекращающемся процессе легитимации собственной власти, при этом «технологии власти» заключаются в процедурах счета, классификации, идентификации и сертификации [Pholsena 2002, p. 2].

Следуя положениям Бурдьё и Ван Дейка, эксперты также могут быть включены в элитные группы в качестве консультантов или советников. Благодаря своей консультативной роли они опосредованно или напрямую инкорпорированы в производство общественных конструкторов. В.А. Тишков, отмечая значимость экспертной номинации, отмечает, что именно процедуры, а не «объективное положение дел» определяют номенклатуру народов: это и процедуры классификации, предлагаемые экспертами-учеными, и механизмы переписи, и административные

решения, определяющие социальный статус этнических групп [Малахов 2001, с. 137]. Интеллектуальное принуждение в совокупности с действиями политических элит превращают теоретические конструкты в факты массового сознания, где в качестве инструментов используются средства массовой информации, система образования, паспортная система, научно-популярная литература и политические заявления.

Вернемся к элитам, выступающим в качестве агентов производства этнического дискурса. При том, что большая часть населения обладает ограниченными источниками опыта и информации, граждане, тем не менее, остаются участниками (более или менее пассивными) множества дискурсов и коммуникативных событий (масс-медийных, образовательных, церковных). К мнению элитных групп индивиды в любом случае прислушиваются, пользуясь предлагаемыми моделями интерпретации ситуаций, со своей же стороны элиты производят критерии оценки, определения ситуаций и повестку дня [Van Dijk 1993, p. 45]. В случае с национальными конструктами (при помощи дискурса) они представляются когнитивно нагруженными соответствующим образом, и у индивидуальных акторов содержание национальных категорий, скорее, не вызывает сомнения, особенно это справедливо для опубликованных данных переписи или заявлений правительства. В подобной ситуации эти оценки приобретают двойную легитимность – за счет источника сообщения (государства) и в силу официального механизма получения этих данных, то есть переписи.

Считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что производство национальных категорий как одних из наиболее действенных социальных конструктов представляется взаимодействием дискурсов, знаний и практик в социальных структурах и в приватной сфере.

В западном академическом сообществе достаточно широко распространена полемика об ответственности научного дискурса за производство и воплощение в социальные взаимодействия этнических и национальных категорий. Их основной тезис – «социальная категоризация есть проявление властных отношений исследователя к объектам». Выбор критерия классификации, презумпция его естественности и объективности рассматриваются как прерогатива групп экспертов и статистиков. Риски заключаются в социальном характере любого акта измерения и группирующей или объясняющей процедуры. При этом производство статистических данных не является формальным выражением государственности, оно само творит реальности. Например, проблематична нулевая гипотеза переписи – существование на территории страны множества одинаковых групп народностей, априори известных исследователям. В процессе составления переписных вопросов обычно обращают внимание на технические аспекты анкетирования об этничности или формирования перечня национальностей, но ни у кого не возникает вопрос о существовании самих категорий [Блум, Меспуле 2006, с. 144]. Гипотеза воспринимается как естественная, отражающая объективные признаки аналогично категории возраста. В результате получаемые данные, распределение и национальный состав государства могут существенно зависеть от взятого за исходный перечень народов. Здесь можно говорить о проблеме статистического реализма, о природе идентичностей: номинации становятся реальными социальными фактами.

Полезно обратиться к идеям Смита, считавшего, что большинство наций состоит из нескольких этнических общностей, которые формируются или организуются вокруг этнического ядра [Smith 1999, pp. 13, 254]. Внутри него находится доминирующая группа населения, объединенная узами общего происхождения и народной культуры, которая постепенно наращивает свою социальную структуру, территорию и геополитическое влияние, вовлекая периферийные этносы. Региональные этнические смыслы постепенно занимают подчиненное положение, более того, становятся менее различаемыми и значимыми. Происходит установление общества неактуализированных «фолк-культур», сдерживаемых вместе за счет находящейся над ними некоей разделяемой культуры [Gellner 1983, p. 57]. Постепенно это приводит к тому, что национальность / внешне приписанная национальная принадлежность становится основным критерием социальной солидарности и взаимодействий, в то время как локальные этнические культуры в стилизованном виде включаются в единую национальную культуру. Получается, что та или иная национальность становится общим знаменателем для различных групп в рамках одного территориально определенного государственного пространства, что для него выгодно, поскольку снижает социальную и территориальную дезинтеграцию.

В 1835 г. астроном А. Кетле заложил основы статистической науки, построенной в концептуально-методологических рамках естественных наук, основная идея которой заключалась в том, что население страны может быть объективно определено через измерения его физических и моральных характеристик, собранных и усредненных в свою очередь из данных индивидов, чьи показатели могут не совпадать со «средними» признаками, с чертами «коллективности». Смысл сосредотачивался на существовании неких объективных и поддающихся наблюдению категорий, которые исследователь мог зафиксировать с помощью инструмента, при этом этничность или национальность оставалась таким же социальным фактом, как возраст или пол. Собранные данные относились не столько к отдельному индивиду, сколько могли представлять коллективность и более общие категории. Благодаря подобной «революции» статистикам начало отводиться отдельное место в государственном управлении. В этой ситуации статистические данные превратились в относительно привилегированный и уникальный способ «знания» социального тела нации, а перепись стала центральной технологией в ее изучении и управлении ее благополучием [Блум, Меспуле 2006].

Деятельность статистической службы относится к основной логике повседневной деятельности государства, к механизму принятия решений. Она становится своеобразным наблюдательным пунктом: будучи главным ведомством, где осуществляются необходимые для управления страной подсчеты, статслужба представляет существенный конституирующий элемент истории государства и управленческой практики. Во многом вера в статистические данные и принимаемые на их основании государственные решения отражают общую логику и восторженность модернизма – уверенность в перспективах применения технического и научного прогресса, что обычно осуществляется при посредничестве государства буквально в каждой области человеческой деятельности. «Если упрощенные, утилитарные описания государственных чиновников благодаря вмешательству государственной власти приводили факты в соответствие с их представлениями,

тогда можно сказать, что высоко модернистское государство начиналось с детальных предписаний новому обществу и решительно намеревалось ввести их» [Скотт 2005, с. 153]. Вполне наглядные примеры мы видим в истории проведенного по инициативе И.В. Сталина выселения чеченского и немецкого народов².

Статистики являются своеобразным инструментом анализа: применяя аппарат к «полю», ученые таким образом конструируют результаты, «надевают» факты на заранее известные и желаемые характеристики системы социальных отношений [Briman 2001, р. 24]. Числовой инструмент переписи используется для перевода жителей страны и лежащих за ними социальных взаимодействий в легкоусвояемую форму цифровой информации, а за счет помещения населения в официальные правительственные категории переписи придают легитимность и этим категориям, и самому принципу мышления, и видению людей [Census and Identity 2001, р. 139]. Более того, национальная категоризация приобретает научно обоснованную и легитимную ауру в той мере, в какой перепись являет собой инструмент научного исследования.

Практика обобщения народов представляется довольно традиционной, и статистики зачастую предпочитают идти по пути наименьшего сопротивления и использовать уже существующие классификации: так, в российской переписи 2002 г. перечень народностей был взят из переписи 1926 г. Конечно, были проведены изменения и коррекция списка, но, скорее, это может свидетельствовать о попытке применить ситуацию начала советского правления к описанию реальности другой страны в иное время. Можно предположить, что имеет место воспроизводство принятой структуры научного знания и принципиальное бездействие ученых, их неспособность к изменениям. С одной стороны, статистик в некоторой степени находится в зависимости от государственных интересов и необходимости производить их научное подтверждение. С другой стороны, он сам конструирует знание, применяя методы сбора информации, определяя связи и выстраивая классификации на выбранных основаниях.

Советское статистическое управление

Логика функционирования статистического управления при советской власти была созвучна идеям властного номинирования при одновременном сращивании с политическими институтами. Блюм и Меспуле утверждают, что приоритетное внимание, уделяемое данным переписи, вполне соответствовало логике государства, которое превратило использование чисел в одно из центральных обоснований своей политической аргументации. Легитимность СССР частично базировалась на утверждении о научном характере принимаемых властью решений, а правомерность указаний планирования обосновывалась символически посредством наглядности

² Это единичные и экстремальные ситуации, которые, тем не менее, позволяют понять глубину вмешательства государства в переустройство жизни своих граждан, основанное, в числе прочих, и на знаниях о распределении и наполнении обозначенных народов внутри единого советского народа.

и авторитетности статистических данных [Блюм, Меспуле 2006, с. 7]. По мнению Х. Арендт, статистика иллюстрирует саму природу тоталитаризма, систему власти, сложившейся на базе фиксации однородности общества и соответствия цифр. «Статистические данные переписей доводились в первую очередь до сведения соответствующих мест. Это делалось посредством их публикации в “Правде”, “Известиях” или других официальных московских органах для того, чтобы каждый район получал свои статистические данные, официальные и фиктивные» (цит. по [Блюм, Меспуле 2006]). На основании последних, соответственно, каждый субъект должен был выстраивать систему функционирования и подчиняться соответствующим директивам из центра.

20 декабря 1929 г. Статистическое управление стало одним из подразделений в составе Госплана, получив название «Сектор экономической статистики». В результате этой реформы статистика утратила свой институциональный статус, финансовую автономию и особое место, полностью попав в зависимость от руководства Госплана, являвшегося одним из важнейших органов в конструировании курса развития страны и, следовательно, в определении деятельности всех ее акторов [Блюм, Меспуле 2006, с. 88]. С течением времени Политбюро еще несколько раз предпринимало попытки полного подчинения деятельности Статистического управления, получения возможности транслировать и подтверждать собственные политические решения и действия: так, в 1932 г. Политбюро организовывало нападки на статистиков за «ряд грубейших ошибок», допущенных в переписи 1926 г., и за обнародование цифровых данных, отражающих низкий уровень потребления, сбора урожая, выполнения пятилетнего плана, многие статистики были репрессированы.

В СССР статистика находилась между необходимостью создавать имидж страны, который требовался ее руководителям, и фактическими сериями катастроф. В такой ситуации разрыв между дискурсом и реальностью увеличивался, а статистические данные в большей степени становились символами конструирования. Статистическому управлению впервые за всю его историю было запрещено публиковать собранные данные, также было приказано обеспечить «полную секретность разрабатываемых материалов».

Заключение

В работе была рассмотрена проблема конструирования национальных сообществ и механизма функционирования одного из наиболее действенных элементов – переписи населения. Мы полагаем, что основная функция переписи не заключена исключительно в передаче статистических данных, описывающих население, что безусловно наиболее значимо для государства: представления населения в легко идентифицируемых, однозначных социальных категориях облегчают задачи мониторинга, управления и контроля. Наиболее значимая цель переписи состоит все же в фасилитации процессов воображения национального сообщества для его членов, поскольку данные переписи предоставляют населению легитимные сведения от-

носителем того, кто и где находится в территориально ограниченном воображаемом национальном сообществе.

На теоретическом уровне мы посчитали необходимым отойти от идей конструктивистов об исключительно социальном «конструировании, изобретении» наций и полагаемся на историчность появления национальных сообществ, которое возможно только в ситуации исторической обусловленности, одним из которых называют развитие печатного капитализма, инфраструктуры и единого языка, пришедшего на смену большого количества местных диалектов и уникальных культурных черт. Только в последующем появившиеся на базе этнических национальные сообщества приобретают природу объективности, реального социального феномена и происходит это не только за счет повторяемости и укорененности в социальных взаимодействиях, но и благодаря усилиям политических и других элит по (вос-)производству и конкретизации национального сообщества.

Государство как инициировавший перепись субъект имеет большой набор инструментов для проведения собственных идей. Фактически за счет переписей государство получает статистическое подтверждение и наполнение необходимых ему категорий населения, в то время как сами категории могут иметь отдаленное отношение к непосредственным характеристикам наполняющих их субъектов. Население получается помещенным в те категории (в том числе и национальные), которые были заложены в переписном инструменте. Именно на полученных категориях государство, как и другие акторы, на властном и повседневном уровнях начинает основывать взаимодействия и принимать решения. Национальные категории становятся объясняющими и организующими социальные взаимодействия переменными, именно в этом проявляется сила социального конструирования и категоризации. Процесс социального конструирования единого советского народа, единой нации особенно хорошо иллюстрируется на примере советской переписной практики и процессов властного и статистического взаимодействий, поскольку именно властные и научные (статистики, этнографы) элиты являются наиболее влиятельными акторами в разработке и проведении переписей.

Литература

- Андерсон Б. (2001) Воображаемые сообщества: размышления об истоках распространения национализма. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле.
- Балибар Э. (2003) Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера.
- Баньковская С.П. (2002) Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. № 6. С. 457–467.
- Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. М.: Медиум.
- Блюм А., Меспуле М. (2006) Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН.
- Бурдые П. (1993) Социология политики. М.: Социо-Логос.
- Бурдые П. (1999) Поэтика и политика. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя.
- Воронков В., Карпенко О., Осипов А. (ред.) (2002) Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя.

- Геллнер Э. (1991) Нации и национализм. М.: Прогресс.
- Дюркгейм Э. (1991) Ценности и «реальные» суждения // Социологические исследования. № 2. С. 106–114.
- Дюркгейм Э. (1995) Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
- Дюркгейм Э. (1998) Элементарные формы религиозной жизни // Дюркгейм Э. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+. С. 174–230.
- Дюркгейм Э. (2002) Определение моральных факторов // Баньковская С. (ред.) Теоретическая социология. Антология. Ч. 1. М.: Университет. С. 11–31.
- Малахов В.С. (2001) Символическое производство этничности и конфликт // Семенов И. (ред.) Язык и этнический конфликт. М.: Карнеги. С. 115–137.
- Малахов В.С., Тишков В.А. (ред.) (2002) Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Мнацаканян М.О. (2005) Культуры. Этносы. Нации. М.: МГИМО.
- Общество и государство: материалы международного семинара 4-5 ноября 2004 г. (2005). М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук.
- Скотт Д. (2005) Благими намерениями государства. М.: Университетская книга.
- Соколовский С.В. (2002) Этническая идентичность в советских переписях населения // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. М.: Институт народохозяйствования РАН. С. 81–82.
- Тишков В.А. (1) (2003). Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука.
- Тишков В. (2) (ред.) (2003) На пути к переписи. М.: Авиаиздат.
- Филиппов А.Ф. (2003) Теоретические основания социологии пространства. М.: КАНОН-пресс-Ц.
- Barth F. (1969) Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference* (ed. Barth F.), Bergen, Oslo, London.
- Bonilla-Silva E. (1999) The Essential Social Fact of Race // *American Sociological Review*, vol. 64, no 6, pp. 899–906.
- Bourdieu P. (1982) Elements for a Critical Reflection on the Idea of Region // Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*, Cambridge: Polity Press, pp. 220–228.
- Briman A. (ed.) (2001) *Ethnography*. Т. 4, London: SAGE Publications,
- Burke P. (2000) *Social History Knowledge: from Gutenberg to Diderot*, Cambridge: Polity press.
- Cohen A.P. (1990) *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge.
- Durkheim E. (1995) *The Elementary Forms of Religious Life*. New York: The Free Press.
- Edwards J. (1989) *Language, Society and Identity*. Oxford: Basil Blackwell Ltd.
- Essed P. (1991) *Understanding Everyday Racism: an Interdisciplinary Theory*. London: Sage Publications.
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Harrison F.V. (1995) The Persistent power of “Race” in the Cultural and Political Economy of Racism // *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, pp. 47–74.
- Jenkins R. (2000) Catagorization: Identity, Social Progress and Epistemology // *Current Sociology*, vol. 48, no 3, pp. 7–25.
- Kertzer D.I., Arel D. (2001) *Censuses, Identity Formation, and the Struggle for Political Power // Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses* (eds. Kertzer D.I., Arel D.). Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–42.
- Koshy S. (2001) Morphing Race into Ethnicity: Asian Americans and Critical Transformations of Whiteness // *Boundary*, vol. 28, no 1, pp. 153–194.
- Levine H.B. (1999) *Reconstructing Ethnicity // The Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 5, no 2, p. 165–180.
- Lukes S. (1985) *Emile Durkheim: his Life and Work: a Historical and Critical Study*. London: Penguin Books.
- Miles R. (1989) *Racism and Class Structure: Migrant Labour in Contemporary Capitalism // Divided Nation: Social and Cultural Change in Britain: a Reader* (eds. Sarre P., Chris H.). London: Hodder and Stoughton, pp. 93–110.

- Pholsena V. (2002) Nation Representation: Ethnic Classification and Mapping Nationhood in Contemporary Laos // *Asian Ethnicity*, vol. 3, no 2, pp. 175–197.
- Poggi G. (1972) *Images of Society: Essays on the Sociological Theories of Tocqueville, Marx and Durkheim*. Stanford: Stanford University Press.
- Readings from Emile Durkheim, 1858–1917 (1985). New York: Routledge.
- Rex J. (1983) *Race Relations in Sociological Theory*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Rutledge M., Stanfield J.H. (1993) *Race and Ethnicity in Research Methods*. Newbury Park.: SAGE Publications.
- Sarre F. (1989) Race and the Class Structure // *Restructuring Britain: The Changing Social Structure* (eds. McDowell L., Sarre P.), London: SAGE Publications, pp. 125–132.
- Schutz A. (1944) The Stranger: an Essay in Social Psychology // *The American Journal of Sociology*, vol. 49, no 6, pp. 499–507.
- Schutz A. (1945) The Homecomer // *The American Journal of Sociology*, vol. 50, no 3, pp. 369–376.
- Simmel G. (1990) *The Philosophy of Money*. London, New York: Routledge.
- Smith A.D. (1999) *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press.
- Sundar N. (2000) Cast as Census Category: Implications for Sociology // *Current Sociology*, no 48, pp. 111–125.
- Tilly Ch. (2004) Social Boundary Mechanism // *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 34, no 2, pp. 211–236.
- Turner S.P. (ed.) (1993) *Emile Durkheim: Sociologist and Moralizer*, London: Routledge.
- Van Dijk T.A. (1993) *Elite Discourse and Racism*. Newbury Park, CA: Sage Publications.
- Wallman S. (1978) The Boundaries of “Race”: Processes of Ethnicity in England // *Man*, vol. 13, no 2, pp. 200–217.
- West E. (2004) Expanding the Racial Frontier // *Historian*, vol. 66, no 3, pp. 552–556.
- White Ed. (2004) Early American Nations as Imagined Communities // *American Quarterly*, vol. 56, no 1, pp. 49–81.
- Wodak R., Reisigl M. (1999) Discourse and Racism: European Perspectives // *Annual Review of Anthropology*, vol. 28, pp. 175–199.
-
-

National Census as an Instrument of Nation Building in the Postindustrial Age

I. KRASNOPOL'SKAYA*, G. SOLODOVA**

***Irina Krasnopol'skaya** – MA in Sociology, Research Associate, International Laboratory for Nonprofit Sector Studies of the Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector National Research University Higher School of Economics. Address: 4–2, Slavyanskaya Sq., Moscow, 101978, Russian Federation. E-mail: ikrasnopol'skaya@hse.ru

****Galina Solodova** – Doctor of Science, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. Address: 8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: gsolodova@gmail.com

Citation: Krasnopol'skaya I., Solodova G. (2016) National Census as an Instrument of Nation Building in the Postindustrial Age. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 55–78 (in Russian)

Abstract

This article discusses the potential role of national censuses in the context of nation building. The discussion is based on the ideas of social constructivism, although the authors explicitly acknowledge several possible limitations of this approach in sociological studies. Specifically, they argue that the processes of nation building should take into account the specific historical context, which may or may not enable nation building through certain types of state effort (e.g. national censuses).

The article begins with a discussion of the general mechanisms by which the state attempts to represent people comprehensibly and unambiguously in categories by means of establishing symbolic boundaries to separate them. This is necessary both for primary self-identification and for maintaining and reproducing national identity in general. A census may therefore be regarded as a way of conveying such categories to the population. The authors further discuss how the use and publication of official census data affects everyday interactions among people and their perceptions of the nation's social structure.

The article draws on examples of how different ethnic groups were represented during the first Soviet census. It also develops the argument by drawing on examples of categorization by means of official documents, i.e. passports. The authors show that citizens were in fact attributed with an additional external ethnicity, which appeared to be independent from their own self-identify. The paper concludes that through such document-based identification, ethnicity became symbolically separated from its bearers, and therefore it has ceased to be an inherent individual characteristic.

Keywords: nation, ethnical group, national census, social construction, categorization, identity, V.A. Tishkov

References

- Anderson B. (2001) *Voobrazhaemie soobshchestva: razmichleniya ob istorii rasprostraneniya natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins of the Spread of Nationalism], Moscow: Canon Press C, Kuchkovo field.
- Balibar E. (2003) *Rasa, natsii, klass. Dvumyslennyye identichnosti* [Race, Nation, Class. Ambiguous Identity], Moscow: Logos-Altera.
- Bankovskaya S.P. (2002) Chuzhaki i granitsy [Aliens and Borders: the Concept of Social Marginality]. *Otechestvennyye zapiski*, no 6, pp. 457–467.
- Barth F. (1969) Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference* (ed. Barth F.), Bergen, Oslo, London.
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality], Moscow: Medium.
- Blum A., Mespule M. (2006) *Burokraticheskaya anarkhiya. Statistika i vlast' pri Staline* [The Bureaucratic Anarchy. Statistics and Power under Stalin], Moscow: ROSSPEN.
- Bonilla-Silva E. (1999) The Essential Social Fact of Race. *American Sociological Review*, vol. 64, no 6, pp. 899–906.

- Bourdieu P. (1982) Elements for a Critical Reflection on the Idea or Region. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*, Cambridge: Polity Press, pp. 220–228.
- Bourdieu P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Moscow: Socio-Logos.
- Bourdieu P. (1999) *Poetika i politika* [The Poetics and Politics], Moscow: Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg.: Aletya.
- Briman A. (ed.) (2001) *Ethnography*. T. 4, London: SAGE Publications,
- Burke P. (2000) *Social History Knowledge: from Gutenberg to Diderot*, Cambridge: Polity press.
- Cohen A.P. (1990) *The Symbolic Construction of Community*, London: Routledge.
- Durkheim E. (1991) Tsenosti i «real'nye» suzhdeniya [Values and the “Real” Statements]. *Sociological Researches*, no 2, pp. 106–114.
- Durkheim E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Object, Method, Purpose], Moscow: Canon.
- Durkheim E. (1995) *The Elementary Forms of Religious Life*, New York: The Free Press.
- Durkheim E. (1998) Elementarnye formy religioznoi zhizni [The Elementary Forms of Religious Life]. Durkheim E. *Mistika. Religiya. Nauka* [Mystics. Religion. Science], Moscow: Canon+, pp. 174–230.
- Durkheim E. (2002) Opredeleniemoral'nykh faktorov [Definition of Moral Factors]. *Teoreticheskaya sotsiologiya. Antologiya* [Theoretical Sociology. Anthology] (ed. Bankovskaya S.), Moscow: University, pp. 11–31.
- Edwards J. (1989) *Language, Society and Identity*, Oxford: Basil Blackwell Ltd.
- Essed P. (1991) *Understanding Everyday Racism: an Interdisciplinary Theory*, London: Sage Publications.
- Filippov A.F. (2003) *Teoreticheskie osnovaniya sotsiologii prostranstva* [Theoretical Bases of Sociology of Space], Moscow: CANON-press-C.
- Foucault M. (1996) *Archeologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge], Kiev.
- Gellner E. (1983) *Nations and Nationalism*, Oxford: Blackwell Publishing
- Harrison F.V. (1995) The Persistent Power of “Race” in the Cultural and Political Economy of Racism. *Annual Review of Anthropology*, vol. 24, p. 47–74.
- Jenkins R. (2000) Categorization: Identity, Social Progress and Epistemology. *Current Sociology*, vol. 48, no 3, pp. 7–25.
- Kertzer D.I., Arel D. (2001) Censuses, Identity Formation, and the Struggle for Political Power. *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses* (eds. Kertzer D.I., Arel D.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1–42.
- Koshy S. (2001) Morphing Race into Ethnicity: Asian Americans and Critical Transformations of Whiteness. *Boundary*, vol. 28, no 1, pp. 153–194.
- Levine H.B. (1999) Reconstructing Ethnicity. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 5, no 2, pp. 165–180.
- Lukes S. (1985) *Emile Durkheim: His Life and Work: a Historical and Critical Study*, London: Penguin Books.
- Malakhov VS (2001) Simvolicheskoe proizvodstvo etnichnosti i konflikta [Symbolic Production of Ethnicity and Conflict]. *Yazyk i etnicheskii konflikt* [Language and Ethnic Conflict] (ed. Semenov V.), Moscow: Karnegi, pp. 115–137.
- Malakhov V.S., Tishkov V.A. (eds.) (2002) *Mul'tikulturalizm i transformatsiya postsovetsskikh obshchestv* [Multiculturalism and the Transformation of Post-Soviet Societies], Moscow.
- Miles R. (1989) Racism and Class Structure: Migrant Labour in Contemporary Capitalism. *Divided nation: social and cultural change in Britain: a reader* (eds. Sarre P., Chris H.), London: Hodder and Stoughton, pp. 93–110.
- Mnatsakanyan M.O. (2005) *Kulituru. Etnosu. Nazii* [Culture. Ethnic Groups. Nation], Moscow: MGIMO.
- Obshchestvo i gosudarstvo* (2005) [Society and the State], Moscow: MSSSES.
- Pholsena V. (2002) Nation Representation: Ethnic Classification and Mapping Nationhood in Contemporary Laos. *Asian Ethnicity*, vol. 3, no 2, pp. 175–197.
- Poggi G. (1972) *Images of Society: Essays on the Sociological Theories of Tocqueville, Marx and Durkheim*, Stanford: Stanford University Press.
- Readings from Emile Durkheim, 1858–1917* (1985). New York: Routledge.
- Rex J. (1983) *Race Relations in Sociological Theory*, London: Routledge and Kegan Paul.

- Rutledge M., Stanfield J.H. (1993) *Race and Ethnicity in Research Methods*, Newbury Park, Calif.: SAGE Publications.
- Sarre F. (1989) Race and the Class Structure. *Restructuring Britain: The Changing Social Structure* (eds. McDowell L., Sarre P.), London: SAGE Publications, pp. 125–132.
- Schutz A. (1944) The Stranger: an Essay in Social Psychology. *The American Journal of Sociology*, vol. 49, no 6, pp. 499–507.
- Schutz A. (1945) The Homecomer. *The American Journal of Sociology*, vol. 50, no 3, pp. 369–376.
- Scott D. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva* [Good Intentions of the State], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Simmel G. (1990) *The Philosophy of Money*, New York: Routledge.
- Smith A.D. (1999) *Myths and Memories of the Nation*, Oxford: Oxford University Press.
- Sokolovsky S.V. (2002) Etnicheskaya identichnost' v sovetskikh perepisyakh naseleniya [Ethnic Identity in Soviet Censuses]. *Demograficheskaya modernizatsiya, chastnaya zhizn' i identichnost' v Rossii* [Demographic Modernization, Privacy and Identity in Russia], Moscow, pp. 81–82.
- Sundar N. (2000) Cast as Census Category: Implications for Sociology. *Current Sociology*, no 48, pp. 111–125.
- Tilly Ch. (2004) Social Boundary Mechanism. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 34, no 2, pp. 211–236.
- Tishkov V. (1) (2003) *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kulturnoi antropologii* [Rekviem for Ethnos: Studies in Socio-cultural Anthropology], Moscow: Nauka.
- Tishkov V. (2) (ed.) (2003) *Na puti k perepisi* [Towards the Census], Moscow: Aviaizdat.
- Turner S.P. (ed.) (1993) *Emile Durkheim: Sociologist and Moralist*, London: Routledge.
- Van Dijk T.A. (1993) *Elite Discourse and Racism*, Newbury Park, CA: Sage Publications.
- Voronkov V., Karpenko O., Osipov A. (eds.) (2002) *Rasizm v yazuke sotsial'nykh nauk* [Racism in the Language of the Social Sciences], St. Petersburg: Aleteya.
- Wallman S. (1978) The Boundaries of "Race": Processes of Ethnicity in England. *Man*, vol. 13, no 2, pp. 200–217.
- West E. (2004) Expanding the Racial Frontier. *Historian*, vol. 66, no 3, pp. 552–556.
- White Ed. (2004) Early American Nations as Imagined Communities. *American Quarterly*, vol. 56, no 1, pp. 49–81.
- Wodak R., Reisigl M. (1999) Discourse and Racism: European Perspectives. *Annual Review of Anthropology*, vol. 28, pp. 175–199.